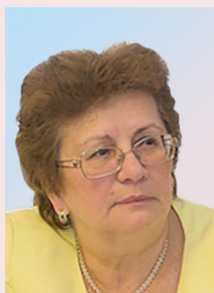

Социологическая оценка устойчивости реинтеграции возвращающихся из России в Кыргызстан мигрантов

**Татьяна Николаевна
ЮДИНА**

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: ioudinatn@mail.ru

**Галина Ивановна
ОСАДЧАЯ**

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: osadchaya111@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2597-9724; ResearcherID: G-2163-2017

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что феномен реинтеграции мигрантов, возвращающихся из России в Кыргызстан, недостаточно изучен. Мало исследованы проблемы, с которыми мигранты сталкиваются при повторном включении в общество страны происхождения, такие аспекты реинтеграции, как экономическое и социальное положение, социально-психологическое самочувствие мигрантов, уровень реинтеграции. Целью исследования стала социологическая оценка устойчивости реинтеграции возвращающихся из России в Кыргызстан мигрантов. Научная новизна состоит в конкретизации понятия «реинтеграция» как многоаспектного процесса, позволяющего мигрантам восстановить экономические, социальные и психосоциальные отношения, необходимые для поддержания жизни, и понятия «устойчи-

Для цитирования: Юдина Т.Н., Осадчая Г.И. (2024). Социологическая оценка устойчивости реинтеграции возвращающихся из России в Кыргызстан мигрантов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 1. С. 215–227. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.12

For citation: Yudina T.N., Osadchaya G.I. (2024). Sociological assessment of the success of reintegration of migrants returning from Russia to Kyrgyzstan. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(1), 215–227. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.12

вая реинтеграция» как достижения возвратившимися определенного уровня экономической самодостаточности, социальной стабильности и психосоциального благополучия; в разработке эмпирических показателей устойчивой реинтеграции, таких как способность вернувшегося мигранта обеспечивать себя и свою семью, участвовать в экономической деятельности, наличие жилья, выстраивание прочных социальных отношений и вовлеченность в местное сообщество, психологическое благополучие, возможность пользоваться базовыми услугами, отсутствие миграционных планов после возвращения. Дана социологическая оценка устойчивости реинтеграции возвращающихся из России в Кыргызстан мигрантов, опирающаяся на результаты анкетного опроса 515 возвратных мигрантов, фокусированного интервью 37 возвратных мигрантов в Кыргызстане в октябре – ноябре 2022 года. Выявлено, что реинтеграция возвратных мигрантов из России в Кыргызстан носит достаточно устойчивый характер во всех сферах: экономической, социальной и социально-психологической. Вместе с тем у возвратившихся есть определённые проблемы, что отразилось в недостаточно высоком уровне оправдания ожиданий от возвращения и в возможных намерениях снова мигрировать в Россию или другие страны.

Ключевые слова: возвратная миграция, добровольное возвращение, реинтеграция, устойчивая реинтеграция, показатели.

Введение

Возвратная миграция становится все более значимой для Кыргызстана, являясь определенным ресурсом развития государства и общества. Начиная с конца февраля 2022 года фиксируется отток трудовых мигрантов из России в Кыргызстан¹. Добровольное возвращение² и реинтеграция имеют множество аспектов, важных для оказания эффективной помощи мигрантам, реализации программ добровольного возвращения и реинтеграции. В связи с этим проблеме реинтеграции мигрантов, возвращающихся на национальные рынки труда, в последнее время уделяется все больше внимания³. Стало очевидным наличие проблем, с которыми сталкиваются возвращающиеся мигранты (Казмеркевич, 2017; Susan, 2012). Однако достоверная информация и знания о реинтеграции возвратившихся до сих пор весьма ограничены, фрагментарны и порой противоречивы. В рамках статьи рассмотрим процессы устойчивости реинтеграции возвратившихся в Кыргызстан

мигрантов, так как именно Кыргызстан является одним из основных поставщиков трудовых мигрантов для России.

В Кыргызстане растет осознание необходимости сделать реинтеграцию устойчивой и приносящей пользу возвратившимся и их семьям, а также стране происхождения в целом⁴. Устойчивая реинтеграция достигается при отсутствии повторной эмиграции. Кроме того, понимание многомерного и многоуровневого характера процесса реинтеграции, сопровождающего возвратную миграцию, необходимо для разработки программ и оказания успешной помощи возвратившимся.

В связи с невозможностью статистического изучения реинтеграции вернувшихся в Кыргызстан, с отсутствием официальных данных по уровню устойчивости реинтеграции многие аспекты данной темы остаются малоизученными, что требует дополнительного внимания со стороны исследователей.

Целью нашей работы стала социологическая оценка устойчивости реинтеграции мигрантов, возвращающихся из России в Кыргызстан. Задачи исследования: уточнение понятий

¹ В России фиксируется отток трудовых мигрантов // Ведомости. 28 марта 2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/03/28/915601-ottok-trudovih-migrantov> (дата обращения 10.05.2023).

² Понятие «добровольное возвращение» используется по отношению к тем, кто возвращается в страну происхождения по собственной воле и за свой счет.

³ Отчет МОМ. Картирование кыргызских диаспор, соотечественников и мигрантов за рубежом (2022). URL: https://kyrgyzstan.iom.int/sites/g/files/tmzbd11321/files/documents/Mapping-of-Kyrgyz-Diaspora-RU_0.pdf

⁴ Оценка отношения местных властей к возвратной миграции и их готовность к реинтеграции возвращающихся мигрантов (2021). ПРООН в Кыргызской Республике, МОМ в Кыргызской Республике. URL: https://kyrgyzstan.iom.int/sites/g/files/tmzbd11321/files/documents/IOM-UNDP%2520seed-funding_Ru_27_10_21_2%2520%25281%2529.pdf

«реинтеграция» и «устойчивая реинтеграция»; разработка эмпирических показателей устойчивой реинтеграции; выявление особенностей реинтеграции возвратных мигрантов, социологическая оценка экономического и социального положения возвратившихся мигрантов и их социально-психологического самочувствия; выявление проблем, с которыми возвратные мигранты сталкиваются при реинтеграции.

Результаты исследования могут быть использованы при создании политических, институциональных, экономических и социальных условий для программ устойчивой реинтеграции в Республике Кыргызстан с учетом динамики возвратной миграции, склонностей населения к возвращению на родину.

Теоретические аспекты исследования

Одним из первых попытку научно объяснить многообразие факторов, формирующих модели реинтеграции мигрантов в стране происхождения, предпринял Ж.-П. Кассарино (Cassarino, 2004). Продолжая анализ моделей интеграции мигрантов в другой работе, он утверждал, что модели реинтеграции связаны со следующими моментами: во-первых, с отношением к проблемам реинтеграции вернувшихся граждан в стране происхождения (реинтеграционной обстановкой); во-вторых, длительностью и видом миграционного опыта; условиями и причинами, мотивирующими возвращение как в стране происхождения, так и в принимающей стране. т. е. «обстоятельствами как до, так и после возвращения» (Cassarino, 2008, p. 97). Также он отметил, что готовность к возвращению обеспечивает ответ на различные формы реинтеграции, которые зависят от того, как ресурсы, если они вообще есть, могут быть мобилизованы до и после возвращения (Cassarino, 2008).

Ранее Р. Кинг обосновал, что продолжительность миграционного опыта за границей должна быть оптимальной, для того чтобы мигранты имели возможность инвестировать свой человеческий и финансовый капитал, приобретенный за границей, при возвращении (King, 1986). Несколько позднее С. Дагман предложил также учитывать факторы или условия (благоприятные или нет) в принимающих странах и странах происхождения, которые побуждают к возвращению, т. е. условия до и после возвращения (Dustmann, 2001).

Вопросы успешности или неудачи реинтеграции возвратившихся мигрантов начал обосновывать Ф. Черасе (Cerase, 1974). Он предложил типологию возвратившихся, которую можно рассматривать как попытку показать, что ситуационные или контекстуальные факторы в странах происхождения необходимо принимать во внимание в качестве предварительного условия для определения, является ли реинтеграция успешной или неудачной. То есть успех или неудачу реадaptации он предлагал анализировать путем сопоставления «реальной» экономики и общества на родине с ожиданиями возвращающегося, показывая, насколько сложны связи между этими ожиданиями и социальным и экономическим контекстом в стране исхода.

Нет сомнений, что выводы А. Черасе имели решающее значение для формирования подходов к анализу проблем реинтеграции при возвратной миграции в дальнейшем. Несколько лет спустя Дж. Гмельч (Gmelch, 1980) развил типологию А. Черасе, подчеркнув необходимость соотносить намерения мигрантов вернуться с мотивами возвращения и успешностью реинтеграции.

Следует назвать еще один важный фактор, влияющий на процесс реинтеграции возвратных мигрантов. Как отмечала Р. Роджерс (Rogers, 1984), реинтеграция существенно зависит от мотивации возвращения. Данную точку зрения поддержал большой круг исследователей. Их научные работы касаются мотивов возвращения учебных мигрантов (Glaser, Habers, 1974), трудовых мигрантов (Kubat, 1984, высококвалифицированных мигрантов (Lowell, 2001; Cervantes, Guellec, 2002); репатриантов-предпринимателей (Cassarino, 2000), а также беженцев и лиц, ищущих убежища (Al-Ali et al., 2001; Ammassari, Black, 2001).

Дальнейшее развитие вопросы реинтеграции получили в работе К. Кушминдер (Kuschminder, 2017), в которой стратегии реинтеграции связываются со следующими параметрами: культурная ориентация мигранта по отношению к принимающей и родной стране; включенность в социальные сети; самоидентификация и чувство принадлежности к стране происхождения, а также доступ к правам, институтам и трудовым ресурсам на рынке в стране происхождения. В работе показано, что

процесс реинтеграции является многомерным и интерсекциональным, по-разному воспринимается мужчинами и женщинами, зависит от социального и профессионального статуса возвращающихся, а также связан со структурным и культурным контекстом возвращения.

Следовательно, в современной литературе, посвященной проблемам реинтеграции, есть разные подходы к определению этого понятия⁵. В российском и кыргызском научном сегменте анализ репатриации возвратных мигрантов стал проводиться только в последнее время и, как правило, на эмпирическом уровне. К таким работам можно отнести исследования С.В. Рязанцева (Рязанцев, Гневашева, 2021), Л.Ф. Деловаровой (Деловарова, 2020), С.Ю. Сивоплясова, С.М. Войнова, Е.Е. Письменной (Сивоплясова и др., 2022), Г.И. Осадчей (Осадчая и др., 2023) и ряда других авторов.

Мы будем исходить из того, что реинтеграция представляет собой «многоаспектный процесс, позволяющий отдельным лицам восстанавливать экономические, социальные и психосоциальные отношения, необходимые для поддержания жизни, средств к существованию и достоинства и достижения включения в гражданскую жизнь»⁶. Поэтому необходим комплексный подход к анализу, который охватывает три аспекта реинтеграции: 1) экономический аспект, который рассматривает реинтеграцию как способ возвращения репатриантов к экономической жизни и обеспечению устойчивых источников средств к существованию; 2) социальный, т. е. с позиций доступа возвращающихся мигрантов к государственным услугам и инфраструктуре в странах происхождения, включая доступ к здравоохранению, образованию, жилью, правосудию и системам социальной защиты; 3) психосоциальный, включающий реинтегра-

цию возвращающихся мигрантов в сети личной поддержки (друзья, родственники, соседи) и организации гражданского общества (ассоциации, группы самопомощи, другие структуры, гражданскую жизнь в целом), а также возвращение к «ценностям, образу жизни, языку, моральным принципам и традициям общества страны происхождения»⁷. Заметим, что Международная организация по миграции (ИОМ) в комплексный подход к реинтеграции включает потребности мигрантов не только на индивидуальном уровне, но и на уровне местных сообществ и в рамках общих структур государств. Кроме этого, между аспектами нет жестких границ, они могут пересекаться, так как взаимосвязаны по своей природе. Также они могут влиять друг на друга, иногда на разных уровнях.

Кроме этого, комплексный подход к реинтеграции должен охватывать такие важные вопросы, как поощрение прав мигрантов, гендерное равенство, партнерские отношения и сотрудничество, а также улучшать сбор данных, мониторинг и оценку реинтеграции. Такой подход, как правило, входит в сферу ответственности множества различных заинтересованных сторон: национальные и местные органы власти в принимающих странах и странах происхождения, международные неправительственные организации (МНПО), неправительственные организации (НПО), общественные организации (ОГО) и другие организации гражданского общества, которые играют различную роль в мероприятиях по реинтеграции⁸.

В рамках исследования мы акцентировали внимание только на индивидуальном уровне реинтеграции мигрантов, возвратившихся из России в Кыргызстан, то есть насколько реинтеграция дала возможность вернувшимся мигрантам возобновить и оживить экономические, социальные и психосоциальные отношения, необходимые для жизнеобеспечения, обеспечения средств к существованию и интеграции в общественную жизнь.

⁵ Возвратная миграция: международные подходы и региональные особенности Центральной Азии (2020): учебное пособие / Международная организация по миграции (ИОМ) – Агентство ООН по миграции. Алматы. 242 с. С. 142; Handbook on Migration Terminology. Russian-English. IOM (2011). International Migration Law. Glossary on Migration. P. 82.

⁶ IOM. International Migration Law 34 (2019). In: *Glossary on Migration*. Available at: <https://publications.iom.int/books/international-migration-law-ndeg34-glossary-migration>

⁷ *Reintegration Handbook. Practical Guidance on the Design, Implementation and Monitoring of Reintegration Assistance*. (2019). International Organization for Migration (IOM).

⁸ Там же.

Понятия «возвращение» и «реинтеграция» тесно взаимосвязаны с понятием «устойчивость». Хотя единого подхода к категории «устойчивая реинтеграция» в настоящее время нет, в рамках комплексного подхода МОМ определяет устойчивую реинтеграцию следующим образом: «Реинтеграцию можно считать устойчивой, когда возвращенцы достигли уровня экономической самодостаточности, социальной стабильности в своих общинах и психосоциального благополучия, которые позволяют им справляться с факторами (повторной) миграции. Достигнув устойчивой реинтеграции, возвращенцы могут принимать дальнейшие решения о миграции как вопрос выбора, а не как необходимость»⁹. Заметим, что данный подход не устанавливает прямую зависимость между успешной реинтеграцией и дальнейшей миграцией после возвращения. Последующий миграционный акт может состояться независимо от того, будет ли реинтеграция успешной, частично успешной или неуспешной. С другой стороны, возвратившиеся мигранты будут заинтересованы в реинтеграции, если считают, что повторная миграция или опора на члена семьи за границей будет лучшим вариантом для их дальнейшего физического или социально-экономического выживания и благополучия¹⁰.

Таким образом, возвратившиеся мигранты должны в полной мере участвовать в экономической и социальной жизни, и наличие чувства психосоциального благополучия после возвращения имеет решающее значение для их устойчивой реинтеграции. Следовательно, устойчивость реинтеграции зависит не только от возвращающегося человека, но и от местного сообщества и структурной ситуации, характеризующей среду возвращения.

Эмпирическими показателями устойчивой реинтеграции, на наш взгляд, могут выступить способность обеспечивать себя и свою семью; участие в экономической деятельности с извлечением из нее определенной выгоды; нали-

чие жилья; прочные социальные отношения и вовлеченность в местное сообщество; положительное влияние возвращения на семью и других субъектов; психологическое благополучие (чувство безопасности, позитивное отношение к образу жизни); возможность пользоваться базовыми услугами (образование, здравоохранение и др.); отсутствие миграционных планов после возвращения).

Методология и методы исследования

Социологическая оценка устойчивости реинтеграции возвращающихся из России в Кыргызстан мигрантов опирается на результаты исследования по теме «Возвратная миграция из России в Кыргызстан», проведенного Институтом демографического исследования ФНИСЦ РАН и Кыргызско-Российским Славянским университетом (Кыргызская Республика, г. Бишкек). Руководитель проекта — Г.И. Осадчая. Методическая стратегия исследования включала количественный и качественные опросы: 515 возвратных мигрантов (анкетный опрос; целевой отбор по одному признаку: трудовые мигранты, вернувшиеся из России), 37 возвратных мигрантов (фокусированное интервью; метод «снежного кома» по одному признаку: трудовые мигранты, вернувшиеся из России;) в Кыргызстане в октябре — ноябре 2022 года.

Цель анкетного опроса заключалась в выявлении особенностей реинтеграции возвратных мигрантов из России в кыргызстанское общество, в том числе в оценке их экономического и социального положения; социально-психологического самочувствия, а также установлении проблем, с которыми возвратные мигранты сталкиваются при реинтеграции. Целевой установкой фокусированных интервью стала концентрация внимания на проблемах реинтеграции, с которыми респонденты столкнулись после возвращения в Кыргызстан.

Отбор респондентов в Кыргызстане для анкетного опроса осуществлялся по неслучайной выборке с использованием метода целевого отбора по одному признаку: трудовые мигранты, вернувшиеся из России; опрошено 515 возвратных трудовых мигрантов, которые работали в России, в том числе мужчин — 59,2%, женщин — 40,8%, граждан Кыргызстана — 72,4%, России — 26,6%. По возрасту: 14–25 лет — 44,1%, 26–45 лет — 50,1%. Отбор респонден-

⁹ IOM. *Towards an Integrated Approach to Reintegration in the Context of Return* (2017). International Organization for Migration (IOM). Geneva. Available at: https://www.iom.int/sites/g/files/tmzbd1486/files/our_work/DMM/AVRR/Towards-an-Integrated-Approach-to-Reintegration.pdf

¹⁰ *Reintegration Handbook. Practical Guidance on the Design, Implementation and Monitoring of Reintegration Assistance*. (2019). International Organization for Migration (IOM).

тов для фокусированного интервью проводился методом «снежного кома» по одному признаку: трудовые мигранты, вернувшиеся из России. Интервью дали 37 возвратных трудовых мигрантов-кыргызстанцев, которые работали в России: из них 22 мужчины, 15 женщин, 36 граждан Кыргызстана, 1 гражданин России.

Данные, полученные в ходе количественного опроса, были проанализированы с помощью математико-статистических методов (статистический пакет SPSS 22.0): частотного анализа, анализа таблиц сопряженности.

Результаты опроса показали, что мигранты, вернувшиеся в Кыргызстан, обустроились в Бишкеке (78,6%), в Оше (11,3%) и других населенных пунктах (10,1%).

Основные результаты исследования

Оценка экономического положения мигрантов, вернувшихся из России в Кыргызстан

Вопрос трудоустройства является базовым основанием для устойчивой реинтеграции вернувшихся на родину мигрантов. Экономический аспект реинтеграции – это повторное включение мигранта в экономическую систему Кыргызстана, дающее ему возможность зарабатывать себе и семье на жизнь¹¹, участвовать в экономической деятельности с выгодой для себя.

Количественное исследование показало, что 82,7% вернувшихся мигрантов работают в различных секторах экономики Кыргызстана, что на 8,1% меньше, чем работало в России. Можно предположить, что этот показатель объединяет лиц, еще не успевших найти работу, и тех, которые приехали в Кыргызстан в гости как российские граждане и как студенты.

В долевом отношении распределение работающих в России и в Кыргызстане по секторам экономики существенным образом не изменилось. Однако среди вернувшихся меньше доля работающих в такси и в сфере услуг (табл. 1).

Более половины опрошенных (53,3%) отметили, что их работа в Кыргызстане «хорошо» и в «основном хорошо» оплачивается. Так считают 53,5% мужчин и 53,0% женщин. При этом 64,2% вернувшихся респондентов ответили, что их работа в Кыргызстане сейчас соответствует их знаниям, способностям и возможностям, однако женщины более пессимистичны при ответе на этот вопрос (59,7% женщин против 67,4% мужчин).

Достаточно высокая доля респондентов, положительно оценивающих уровень оплаты своей работы и соответствие работы знаниям, способностям, связана с высокой оценкой уровня удовлетворенности работой в целом

Таблица 1. В каком секторе экономики Вы работали в России и работаете сейчас в Кыргызстане?, % от числа опрошенных

Сектор экономики	В России	В Кыргызстане	Разница
1. Промышленность	5,8	7,2	+1,4
2. Строительство	8,9	6,8	-2,1
3. Транспорт, такси	11,3	6,8	-4,5
4. Сельское хозяйство	3,3	3,5	+0,2
5. Торговля	19,6	19,8	+0,2
6. Образование, наука	4,1	7,4	+3,3
7. Здравоохранение	4,1	3,1	-1,0
8. Сфера услуг	22,7	18,6	-4,1
9. Сфера информационных технологий (ИТ)	5,2	6,2	+1,0
10. Сфера ЖКХ	1,7	0,6	-1,1
11. Доставка, курьерская служба	4,1	2,7	-1,4
12. Не работал	8,0	16,1	+8,1
Другое	1,2	1,2	0

Составлено по: результаты исследования по теме «Возвратная миграция из России в Кыргызстан», проведенного ИДИ ФНИСЦ РАН и Кыргызско-Российским Славянским университетом (Кыргызская Республика, г. Бишкек). Опрошено 515 респондентов. Руководитель проекта – Г.И. Осадчая.

¹¹ IOM. International migration law 25 (2011). In: *Glossary on Migration. 2nd edition*. Available at: https://documentation.lastradainternational.org/Isidocs/International%20migration%20law_25.pdf

после возвращения: 62,4% опрошенных возвратных мигрантов «полностью удовлетворены» или «в основном удовлетворены» своей работой. Полностью неудовлетворен работой только каждый десятый респондент как среди мужчин, так и среди женщин (табл. 2, 3).

Высокая удовлетворенность работой объясняется, на наш взгляд, и тем, что особых трудностей при поиске работы и устройстве на нее у возвратных мигрантов из России не было. Характерные ответы большинства интервьюированных: «Нет, таковых трудностей не испытал»; «Нет, все замечательно». Хотя работа не всегда устраивала респондентов полностью и рассматривалась некоторыми из них как временная: «Нет, работу нашел быстро, пока все устраивает, но это не моя постоянная любимая работа – просто заработок». Только два респондента из 37 сказали, что у них были

проблемы с трудоустройством: «Да, как говорила до этого, с работой тяжело очень. Вакансий мало, зарплата низкая»; «Да, не знаю, где здесь работать. На биржу труда идти не хочу. Такую иногда».

Наличие работы после возвращения в Кыргызстан, уровень ее оплаты сказались на достаточно высокой оценке материальной обеспеченности: 47,6% опрошенных респондентов оценили свою материальную обеспеченность, а 44,1% – обеспеченность своей семьи как хорошую; 48,6 и 39,0% (соответственно свою и своей семьи) – как удовлетворительную. Только 5,8% возвратных мигрантов считают, что они материально обеспечены плохо. Заметим, что тех, кто оценивает возможности обеспечения семьи низко (плохо), в три раза больше. В приведенных оценках мужчины солидарны с женщинами (табл. 4).

Таблица 2. Считаете ли Вы, что Ваша работа в Кыргызстане сейчас соответствует Вашим знаниям, способностям и возможностям?, % от числа опрошенных

Вариант ответа	По всем опрошенным	Мужчины	Женщины
Да	28,3	30,7	24,9
В основном да	35,9	36,7	34,8
Да + в основном да	64,2	67,4	59,7
Нет	14,2	14,3	13,9
В основном нет	21,6	18,3	26,4
Нет + в основном нет	35,8	32,6	40,3

Составлено по: результаты исследования по теме «Возвратная миграция из России в Кыргызстан».

Таблица 3. Считаете ли Вы, что Ваша работа в Кыргызстане сейчас в целом удовлетворяет Вас?, % от числа опрошенных

Вариант ответа	По всем опрошенным	Мужчины	Женщины
Да	25,7	28,4	21,7
В основном да	36,7	33,4	41,4
Да + в основном да	62,4	61,8	63,1
Нет	11,4	12,0	10,3
В основном нет	26,3	26,1	26,6
Нет + в основном нет	37,7	38,1	36,9

Составлено по: результаты исследования по теме «Возвратная миграция из России в Кыргызстан».

Таблица 4. Материальная обеспеченность респондентов (своя и своей семьи) после возвращения из России в Кыргызстан, % от числа опрошенных

Вопрос	Вариант ответа	По всем опрошенным	Мужчины	Женщины
Какие у Вас в Кыргызстане сейчас возможности для обеспечения семьи?	Плохие	5,8	6,6	4,8
	Удовлетворительные	46,6	45,2	48,6
	Хорошие	47,6	48,2	46,7
В настоящее время после возвращения в Кыргызстан как Вы материально обеспечены?	Плохо	16,9	16,7	17,1
	Удовлетворительно	39,0	36,7	42,4
	Хорошо	44,1	46,6	40,5

Составлено по: результаты исследования по теме «Возвратная миграция из России в Кыргызстан».

Оценка социального положения мигрантов, вернувшихся из России в Кыргызстан

Социальный аспект интеграции, как мы отмечали выше, касается доступа возвращающихся мигрантов к государственным услугам и инфраструктуре в Кыргызстане, включая доступ к жилью, здравоохранению, образованию, нормальному питанию и одежде, возможностям проведения отпуска, занятиям физкультурой и спортом, системам социальной защиты.

Для того чтобы вернуться, необходимо где-то жить. Вернувшиеся мигранты обычно не испытывают проблем с жилищными условиями. 62,3% респондентов оценивают свои жилищные условия как хорошие, 33,4% — как удовлетворительные.

Как правило, все респонденты живут со своей семьей: «*Проживаем мы в Бишкеке. Живем троим: муж, я и наш сыночек*»; «*Проживаю с женой и детьми в Бишкеке, есть своя квартира недалеко от центра*»; некоторые живут у родителей: «*Живем в доме родителей мужа. Мы живем с родителями мужа и со своей дочерью*»; «*Проживаю в Бишкеке, я живу с родителями и супругой*»; «*Живу в городе Бишкек в Кызыл-Аскере, нас в семье 4: мама, папа, сестра и я*». Два респондента на момент опроса снимали квартиру: «*Живу в Бишкеке. На данный момент живу один, но в семье есть брат и сестра*»; «*Живу с другом, снимаем квартиру. Оба работаем, ритм жизни быстрый, постоянно работаю, дома только сплю*».

Оценка возможностей для получения образования несколько ниже. Только 44,7% считают их хорошими, а 38,6% — удовлетворительными. Практически каждый пятый опрошенный возвратившийся из России мигрант оценивает их как плохие.

С учетом достаточно высокой материальной обеспеченности возвратившиеся мигранты (и мужчины, и женщины) оценивают свое питание и одежду как хорошие. Только 1,9% опрошенных отметили, что у них плохое питание и 3,7% — что они плохо одеваются.

Для того чтобы жизнь была полноценной после возвращения в Кыргызстан, в ней должны быть возможности для проведения свободного времени, отпуска, занятий физкультурой и спортом. Этому должна способствовать хорошая экологическая ситуация. Самая низкая оценка дана экологической ситуации: только 37,9% респондентов оценили ее как хорошую, 22,9% — как плохую. Каждый пятый дал отрицательную оценку возможностям для проведения отпуска и каникул. Более половины респондентов положительно оценили возможности для занятий физкультурой и спортом (55,1%), для проведения свободного времени (53,2%; табл. 5).

Из интервью видно, что свободное время возвратившие мигранты, как правило, проводят в кругу семьи: «*В свободное время стараемся больше времени проводить вместе с семьей*»; «*Состав семьи: сестра и племянники. В свободное*

Таблица 5. Оценка респондентами социальных условий своей жизни в Кыргызстане после возвращения из России, % от числа опрошенных

Вопрос	Вариант ответа	%
Какая у Вас в Кыргызстане сейчас экологическая ситуация?	Плохая	22,9
	Удовлетворительная	39,2
	Хорошая	37,9
Какие у Вас в Кыргызстане сейчас возможности для проведения отпуска, каникул?	Плохие	19,2
	Удовлетворительные	37,1
	Хорошие	43,7
Какие у Вас в Кыргызстане сейчас возможности для проведения свободного времени?	Плохие	8,5
	Удовлетворительные	38,3
	Хорошие	53,2
Какие у Вас в Кыргызстане сейчас возможности для занятий физкультурой и спортом?	Плохие	11,1
	Удовлетворительные	33,8
	Хорошие	55,1

Составлено по: результаты исследования по теме «Возвратная миграция из России в Кыргызстан».

время гуляем по городу»; «Любим с семьей гулять, посещать заведения, с детьми, ходим на игровые площадки»; «Стараемся ходить в новые места, которые открылись в Бишкеке, потому что нас долго не было».

Респонденты без семьи, как правило, свободное время проводят с друзьями: «Свободное время провожу с друзьями»; «Все отлично, в свободное время могу заниматься спортом, встречаться с друзьями».

Оценка социально-психологического самочувствия мигрантов, вернувшихся из России

Кроме проблем с работой, мигранты, находившиеся за границей в течение относительно продолжительного периода, сталкиваются с потерей сети личного и профессионального общения, что приводит к психологическому дискомфорту. Поэтому социально-психологический аспект реинтеграции мигрантов включает в себя восстановление или создание круга общения на работе, с друзьями, родственниками, соседями, а порой и в семье¹².

За время пребывания в России отношения в семье у возвратившихся мигрантов, как мужчин, так и женщин, как правило, не испорти-

лись: 72,2% опрошенных оценивают их как хорошие. Немного более взыскательны женщины (табл. 6).

В социально-психологический аспект реинтеграции входит и установление минимум удовлетворительных, а лучше хороших отношений с коллегами и товарищами по работе: двум из трех респондентов удалось установить хорошие отношения. Установить хорошие отношения с непосредственным руководителям удалось только каждому второму вернувшемуся (табл. 7).

Психологический аспект реинтеграции включает также возрождение ценностей, традиций и образа жизни в стране происхождения. Как показали результаты интервью, большинство интервьюированных за время пребывания в России не отошло от национальных традиций своей страны: «Культура у меня кыргызская, изменился только язык — стал грамотнее»; «Так как я жила с девочками из Кыргызстана, жила и работала в основном на дому, то сохранила свой менталитет»; «Следую нормам кыргызской культуры»; «По национальности я кыргыз, и с детства мне прививали кыргызский менталитет и культуру».

Таблица 6. Какие у Вас в Кыргызстане сейчас отношения в семье?, % от числа опрошенных

Вариант ответа	По всем опрошенным	Мужчины	Женщины
Плохие	3,5	4,3	2,4
Удовлетворительные	24,3	22,3	27,1
Хорошие	72,2	73,4	70,5

Составлено по: результаты исследования по теме «Возвратная миграция из России в Кыргызстан».

Таблица 7. Оценка взаимоотношений мигрантов, вернувшихся из России, на работе в Кыргызстане, % от числа опрошенных

Вопрос	Вариант ответа	По всем опрошенным	Мужчины	Женщины
Какие сейчас на работе в Кыргызстане у Вас отношения с непосредственными руководителями?	Плохие	7,7	8,2	7,0
	Удовлетворительные	38,5	37,2	40,3
	Хорошие	53,8	54,6	52,7
Какие сейчас на работе в Кыргызстане у Вас отношения с коллегами, товарищами по работе?	Плохие	7,5	7,5	7,4
	Удовлетворительные	24,6	23,5	26,1
	Хорошие	67,9	68,9	66,5

Составлено по: результаты исследования по теме «Возвратная миграция из России в Кыргызстан».

¹² ИОМ. International migration law 25 (2011). In: *Glossary on Migration. 2nd edition*. Available at: https://documentation.lastradainternational.org/lsidocs/Inernational%20migration%20law_25.pdf

Однако пребывание в России, особенно продолжительное время, привнесло в жизнь вернувшихся мигрантов элементы российской культуры. Заметим, что это взаимодействие не конфликтное, но иногда не полностью принимается окружающими: «Конечно, позаимствовала нормы и морали российской культуры», «Однозначно позаимствовала элементы российской культуры; пытаемся совмещать, но некоторые не понимают»; «Из-за того что я долго жил в России, я позаимствовал их культуру тоже и совмещаю».

Интегральная оценка устойчивости реинтеграции

Как отмечалось выше, достижение устойчивой интеграции определяется тем, что вернувшиеся мигранты смогут принимать дальнейшие решения о миграции как вопрос выбора, а не как необходимость. Планирует вернуться каждый пятый мужчина и каждая четвертая женщина. Доля затруднившихся ответить на этот вопрос составляет 29,1% от всех опрошенных респондентов (табл. 8). На наш взгляд, это в первую очередь связано со стабильностью социально-экономической ситуации в Кыргызстане. Основными мотивами, которые могут повлиять на решение о повторной миграции в Россию, в этом случае стали следующие: «Необходимость рабочей деятельности в жизни, так как в Бишкеке она не очень активно работала»; «Нестабильное состояние государства, безработица в стране»; «Если в КР начнётся безработица, то повторная миграция»; «Нестабильная политика в стране, безработица»; «Если безработица, то можно и мигрировать». Повторная миграция в Россию также обусловлена мотивами более выгодной работы: «Хороший заработок и стабильная работа», «Если вдруг будет приглашение о хорошей работе, с хорошим заработком», «Банкротство и хорошие условия работы в России, или же какое-то прям очень хорошее предложение по работе», «Если поступит предложение

о работе, то конечно, постоянная или нет, без разницы», «Хорошая заработная плата». Среди тех, кто имеет двойное гражданство и может быть мобилизован, звучали следующие высказывания: «Окончание войны, страшно возвращаться, вдруг призовут»; «Если ситуация в России улучшится, возможно, вернемся, вернемся на заработок»; «Ну если опять в Кыргызстане будет дестабилизация какая-то, а в России наоборот спокойно, тогда вполне возможно».

Ряд возвратившихся размышляет о возможной повторной миграции, но уже не в Россию, а в другие страны: «Хотелось бы посетить Ташкент или Европу, поработал бы и там и там»; «Да, мне хотелось бы посетить страны Европы»; «Да, если переезжать, то в Европу»; «Хочу в США, заполняя гринкарту»; «В Европу, хочется увидеть что-то новое»; «Хотел бы поехать в Германию»; «Рассматриваю возможность миграции в Корею, Англию, Японию»; «Хотела бы поехать в Германию, поработать врачом»; «Можно посмотреть Америку»; «Хочется и в другие страны, например в Грузию»; «Может быть, в Грецию», «Хотел бы поехать на заработки в арабские страны». В этих размышлениях не прослеживается четкая установка на повторную миграцию.

Фактором, влияющим на повторную миграцию, выступает также оправдание ожиданий от возвращения в Кыргызстан из России. Полностью ожидания оправдались только у каждого четвертого вернувшегося. Несмотря на то, что доля тех, у кого ожидания не оправдались полностью, невелика и составляет только 8,0%, к пессимистической оценке по поводу своего возвращения в Кыргызстан склоняются еще 23,3% опрошенных. Колебания в оценках между мужчинами и женщинами незначительны. Каждый десятый опрошенный мужчина и каждая десятая женщина затруднились дать ответ относительно оправданных ожиданий от своего возвращения (табл. 9).

Таблица 8. Планы по повторной миграции в Россию, % от числа опрошенных

Вопрос	Вариант ответа	По всем опрошенным	Мужчины	Женщины
Планируете ли Вы повторную миграцию в Россию в ближайшие 3 месяца?	Да	22,1	19,3	26,2
	Нет	48,7	50,5	46,2
	Затрудняюсь ответить	29,1	30,2	27,6
Составлено по: результаты исследования по теме «Возвратная миграция из России в Кыргызстан».				

Таблица 9. Оправдание ожиданий от возвращения в Кыргызстан из России, % от числа опрошенных

Вариант ответа	По всем опрошенным	Мужчины	Женщины
Да	25,8	29,5	20,5
Скорее да, чем нет	32,2	29,5	36,2
Да + скорее да, чем нет	58,0	59,0	56,7
Скорее нет, чем да	23,3	22,3	24,8
Нет	8,0	7,9	8,1
Нет + скорее нет, чем да	31,3	30,2	32,9
Затрудняюсь ответить	10,7	10,8	10,5

Составлено по: результаты исследования по теме «Возвратная миграция из России в Кыргызстан».

Заключение

Исходя из результатов исследования, можно, на наш взгляд, утверждать, что реинтеграция возвратных мигрантов из России в Кыргызстан носит достаточно устойчивый характер во всех сферах: экономической, социальной и социально-психологической. Подавляющее большинство возвратившихся не планируют повторную миграцию в ближайшее время. Вместе с тем у возвратившихся есть определённые проблемы, что сказалось на недостаточно высоком уровне оправдания их ожиданий от возвращения в Кыргызстан и возможных намерениях снова мигрировать в Россию или в другие страны.

Необходимо отметить, что в Кыргызстане в последние годы вопросы реинтеграции возвращающихся мигрантов стали находить отражение в стратегических документах государства. Однако пока пункты решений относительно возвращения мигрантов, их реинтеграции, очень абстрактны, не отражают конкретных мер, нет целенаправленных программ реинтеграции. Недостаточно признан этот вопрос и в других сферах государственной политики, например в общей стратегии социальной защиты населения. На наш взгляд, нужен системати-

ческий мониторинг для оценки устойчивости реинтеграции возвратившихся на институциональном, местном и индивидуальном уровнях. Данные, собранные в ходе мониторинга по оказанию помощи возвратившимся мигрантам, включая их отзывы, являются важным источником информации об эффективности, результативности и устойчивости мер по реинтеграции. Постоянный мониторинг поможет оценить воздействие различных видов поддержки в области реинтеграции на отдельного мигранта и местное сообщество в целом. Это должно учитываться при подготовке и реализации программ реинтеграции, в рамках которых помощь должна включать экономические, социальные и психосоциальные аспекты, разрабатываться и оказываться в сотрудничестве с самими возвратившимися мигрантами.

Важно помнить, что реинтеграция — это не изолированный процесс, а часть более широкой стратегии управления миграцией в Кыргызстане. Усиление поддержки реинтеграции на национальном уровне может способствовать повышению эффективности управления миграцией в целом и достижению других целей в сфере развития и государственного управления.

Литература

- Деловарова Л.Ф. (2020). Возвратная миграция в Центральной Азии: основные факторы и потенциал развития программ добровольного возвращения и реинтеграции в регионе // Наука. Культура. Общество. № 1. С. 6–12.
- Казмеркевич П. (2017). Уязвимость мигрантов и потребности интеграции в Центральной Азии: оценка потребностей мигрантов и общин и управление рисками. Субрегиональный координационный офис по Центральной Азии, Международная организация по миграции (МОМ), Казахстан. URL: <https://prevention.kg/wp-content/uploads/2019/04/%D0%A3%D1%8F%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D0>

- %BC%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C-%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%B2-%D0%B8-%D0%BF%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8-%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%B2-%D0%A6%D0%90_%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf
- Осадчая Г.И., Волкова О.А., Юдина Т.Н., Кочербаева А.А. (2023). Молодые женщины из Кыргызстана в Московском мегаполисе // *Женщина в российском обществе*. № 1. С. 43–62. DOI: 10.21064/WinRS.2023.1.4
- Рязанцев С., Гневашева В. (2021). Международная миграция и рынки труда в пандемию COVID-19 // *Международные процессы*. Т. 19. № 4 (67). С. 89–103. DOI: 10.17994/IT.2021.19.4.67.7
- Сивоплясова С.Ю., Войнов С.М., Письменная Е.Е. (2022). Гендерные особенности возвратной миграции в страны Центральной Азии // *Бизнес. Образование. Право*. № 1 (58). С. 19–25. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.58.109
- Al-Ali N., Black R., Koser K. (2001). The limits of transnationalism: Bosnian and Eritrean refugees in Europe as emerging transnational communities. *Ethnic and Racial Studies*, 24(4), 578–600.
- Ammassari S., Black R. (2001). Harnessing the potential of migration and return to promote development. In: *Applying Concepts to West Africa (IOM Migration Research Series 5)*. Geneva: International Organization for Migration.
- Cassarino J.P. (2004). Theorising return migration: The conceptual approach to return migrants revisited. *International Journal on Multicultural Societies (IJMS)*, 6(2), 253–279. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1730637>
- Cassarino J.P. (2000). Tunisian new entrepreneurs and their past experiences of migration in Europe: Networks, resource mobilisation, and hidden disaffection. *Ashgate*, 978-0754612732. [hal-01232720]
- Cassarino J.P. (2008). Conditions of modern return migrants – editorial introduction, *International Journal on Multicultural Societies*, 10(2), 95–105.
- Cerese F.P. (1974). Expectations and reality: A case study of return migration from the United States to Southern Italy. *International Migration Review*, 8(2), 245–262.
- Cervantes M., Guellec D. (2002). The brain drain: Old myths, new realities. Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development, The OECD Observer.
- Dustmann C. (2001). Return migration, wage differentials, and the optimal migration duration. In: *IZA Discussion Papers*, 264. Bonn: Institute for the Study of Labor (IZA). Available at: <http://hdl.handle.net/10419/21114>
- Glaser W.A., Habers C.G. (1974). The migration and return of professionals. *International Migration Review*, 8(2), 227–244.
- Gmelch G. (1980). Return migration. *Annual Review of Anthropology*, 9, 135–159. Available at: <https://doi.org/10.1146/annurev.an.09.100180.001031> 135-159
- King R. (Ed.). (1986). *Return Migration and Regional Economic Problems*. London: Croom Helm. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781315722306>
- Kuschminder K. (2017). *Reintegration Strategies: Conceptualizing How Return Migrants Reintegrate*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-319-55741-0. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0117196819832756>
- Kubat D. (Ed.). (1984). The Politics of return. International return migration in Europe. In: *Proceedings of the First European Conference on International Return Migration. Rome, November 11–14, 1981*. New York: Center for Migration Studies.
- King R. (Ed.). (1986). *Return Migration and Regional Economic Problems*. London: Croom Helm.
- Lowell L.B. (2001). *Policy Responses to the International Mobility of Skilled Labour*. Geneva: International Labour Organization, International Migration Branch.
- Rogers R. (1984). Return migration in comparative perspective. In: Kubat D. (Ed.). *The Politics of Return: International Return Migration in Europe*.
- Thieme S. (2012). Coming Home? Patterns and CHARACTERISTICS OF RETURN MIGRATION in Kyrgyzstan. *International Migration IOM*. DOI:10.1111/j.1468-2435.2011.00724.x

Сведения об авторах

Татьяна Николаевна Юдина — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, ул. Фотиевой, г. Москва, д. 6, к. 1; e-mail: ioudinatn@mail.ru)

Галина Ивановна Осадчая — доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, ул. Фотиевой, г. Москва, д. 6, к. 1; e-mail: osadchaya111@gmail.com)

Yudina T.N., Osadchaya G.I.

Sociological Assessment of the Success of Reintegration of Migrants Returning from Russia to Kyrgyzstan

Abstract. The relevance of the research is due to the fact that the phenomenon of reintegration of migrants returning from Russia to Kyrgyzstan has not been sufficiently studied. Little research has been done on the problems migrants face when reintegrating into the society of their country of origin; such problems include, for example, economic and social situation, the socio-psychological well-being of migrants and the level of reintegration. The aim of the study is sociological assessment of the sustainability of reintegration of migrants returning from Russia to Kyrgyzstan. Scientific novelty consists in the concretization of the term “reintegration” as a multidimensional process that allows migrants to restore the economic, social and psychosocial relationships necessary to move forward in life; and the term “sustainable reintegration”, as the returnees achieve a certain level of economic self-sufficiency, social stability and psychosocial well-being; in the development of empirical indicators of sustainable reintegration, such as the ability of a returned migrant to provide for themselves and their family, participate in economic activities, housing, build strong social relationships and be involved in the local community, psychological well-being, the ability to use basic services, and the absence of migration plans after return. We provide a sociological assessment of the sustainability of reintegration of migrants returning from Russia to Kyrgyzstan, based on the results of a questionnaire survey of 515 return migrants, and focus group interviews with 37 return migrants in Kyrgyzstan in October – November 2022. It has been revealed that the reintegration of return migrants from Russia to Kyrgyzstan is quite sustainable in all spheres: economic, social and socio-psychological. At the same time, the returnees have certain problems reflected in the insufficiently high level of justification of expectations from the return and in possible intentions to migrate again to Russia or other countries.

Key words: return migration, voluntary return, reintegration, sustainable reintegration, indicators.

Information about the Authors

Tatyana N. Yudina — Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: ioudinatn@mail.ru)

Galina I. Osadchaya — Doctor of Sciences (Sociology), Professor, head of department, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: osadchaya111@gmail.com)

Статья поступила 17.07.2023.